

На правах рукописи

РОСТОВЦЕВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**РЕЦЕПЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ XVIII ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологической наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена на кафедре мировой литературы и методики ее преподавания в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»

**Научный
руководитель**

доктор филологических наук, профессор
Ковтун Наталья Вадимовна

**Официальные
оппоненты:**

Шунков Александр Викторович,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт культуры»,
ректор

Синякова Людмила Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Новосибирский
национальный исследовательский
государственный университет»,
профессор кафедры теории и истории
литературы

**Ведущая
организация:**

**ФГБОУ ВО «Омский
государственный университет им.
Ф.М. Достоевского»**

Защита состоится «31» мая 2018 года в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=277729>

Автореферат разослан «   » апреля 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических
наук, доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В сравнении с социальной утопией, известной уже в Древней Руси, возникновение литературного вида приходится на XVIII столетие¹. С момента своего появления литературная утопия неразрывно связана с темой идеального законодательства. В первом из созданных образцов жанра – «Сон. Счастливое общество» (1759) А. П. Сумарокова описывается «Книга узаконений», содержащая права и обязанности жителей мечтательной страны, весь кодекс обязанностей и прав жителей Офирии М. М. Щербатова (1783) сосредоточен в «Гражданском катехизисе», в утопии «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1792) М. М. Хераскова особое внимание уделено книге под названием «Наука царствовать». Можно отметить несомненную связь с законодательной проблематикой во всей утопической литературе XVIII – начала XIX века.

Об **актуальности** настоящего исследования свидетельствуют факты самой истории. Многие из утопистов XVIII века, являясь литераторами по роду занятий, были одновременно авторами трудов по праву. Некоторым из них тема законопорядка была близка по причине особенностей биографии. А. П. Сумароков прославился как непримиримый критик «Большого наказа императрицы» в первой его редакции. Еще более вовлеченным в законодательную политику страны оказался другой утопист XVIII столетия – князь М. М. Щербатов. В 1767 году в качестве выборного депутата от ярославского дворянства он принимает участие в Комиссии для составления проекта Нового уложения², становится автором «Замечаний на Большой Наказ императрицы Екатерины II»³. Политико-правовая деятельность писателя нашла свое отражение в утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую» (1783). Как критик екатерининского «Наказа» известен А. Н. Радищев. В «Опыте о законоположении» (1801) он называет екатерининский «Наказ» компиляцией, фикцией, отказывая императрице в искренности ее благородных идей⁴. Негативное отношение к закону нашло отражение и в тексте «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790).

Эти и другие примеры служат доказательством того, что утопия и право в русской литературе взаимосвязаны. Указанный тезис подтверждается и тем, что при зарождении своем русская утопическая литература была в некоторой степени обусловлена законодательной проблематикой⁵. «Наказ», который являлся, по выражению В. М. Живова, «атрибутом монарха,

---

¹Шестаков В. П. Русская литературная утопия. Сост, общ. ред. вступит. статья и комментарии. М.: Изд-во МГУ. С. 13.

²Брикнер А. Г. Князь М. М. Щербатов как член Большой Комиссии 1767 г. // Исторический вестник. Т. 3. № 10. 1881. С. 217 – 249.

³Щербатов М. М. Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II / Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935.

⁴Радищев А. Н. О законоположении / Радищев А. Н. Избранные философские сочинения под общей ред. и предисл. И. Я. Щипанова. Л.: Госполитиздат, 1949. С. 402.

⁵BaerhS. L.. The paradise Myth in Eghteenth-Century Russia.. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford. California. 1991. С. 121.

устанавливающего всеобщую справедливость и гармонию мира»¹, служил источником для создания образов идеального законодателя и философа на троне. Уложенная комиссия, знаменовавшая собой учреждение нового царства эвномии, подавала идеи для изображения идеальных государств, где царствует закон².

Степень научной разработанности проблемы. Известно, что первое исследование, посвященное утопическому произведению, было написано в 1896 году. В это время литературовед А. Н. Пыпин издает в журнале «Вестник Европы» статью «Полузабытый писатель XVIII века»³. В работе вниманию читателя впервые представлен обзор и беглый анализ опубликованного незадолго до того сочинения князя М. М. Щербатова – «Путешествие в землю Офирскую господина С. Швецакого дворянина», которое тогда еще не осознавалось как утопия. По причине неизвестности произведения широкой читающей публике автор позволил себе сделать его подробный пересказ.

Труд, в котором утопическое сочинение рассматривается в историческом контексте, относится к началу XX века – это «Русский социальный роман XVIII века». Его автор Н. Д. Чечулин, анализируя «Путешествие в землю Офирскую», показывает некоторые особенности правовой действительности времен создания романа и привлекает для этого элементы биографии писателя. «...Разные сословия в Офирской земле распределяют между собою деятельность совершенно так, как казалось всегда Щербатову наиболее справедливым и необходимостью чего он постоянно доказывал в заседаниях Комиссии для сочинения проекта нового уложения: дворяне служат, купцы и ремесленники занимаются торговлею и промыслами, крестьяне – это рабы, крепостные»⁴. Так, с начала изучения русской литературной утопии художественные особенности текста рассматривались неотрывно от правовой и общественной деятельности писателя. Можно сказать, что Н. Д. Чечулин как родоначальник русской утопиологии заложил традиции анализа утопического произведения, при котором утопический идеал писателя рассматривается сквозь призму его политических взглядов. В вышедшем годом позднее исследовании А. А. Кизеветтера «Русская утопия XVIII века» равным образом была отмечена связь между законодательной политикой и взглядами М. М. Щербатова. В словах одного из главных героев – вельможи Агибе – исследователь обнаруживает критику «текстов градостроительных проектов Екатерининской эпохи»⁵.

В 1922 году появляется первое обзорное исследование по русской утопии – «Русский утопический роман» В. В. Святловского. В отличие от

---

¹Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века), М., 1996. С. 668.

²Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002. С. 171.

³Пыпин А. Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. № 11. 1896. С. 264 – 305.

⁴Чечулин Н. Д. Русский социальный роман. (Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецакого дворянина. Сочинение князя М. М. Щербатова. СПб., 1900. С. 36.

⁵ Кизеветтер А. А. Русская утопия XVIII века / Исторические очерки : Из истории политических идей. М., 1912. С. 35.

своих предшественников исследователь подвергает анализу не одно, а сразу несколько утопических сочинений XVIII века, уделяя особое внимание роману М. М. Щербатова. Несмотря на конспективность своего труда, автор описывает законодательство идеального государства: «Взаимоотношения (в Офирии – Ю.Р.) просты и добродетельны. Законы мягки и снисходительны»¹.

В начале 90-х американский славист С. Л. Бэр окончательно обосновывает идейно-мотивную зависимость русской утопии от законотворческих инициатив верховной власти. Он указывает на такую важную особенность как мотивологическая связь литературной утопии и комиссии по составлению проекта Нового Уложения. «В некоторой степени утопическая литература отражала имплицитно присутствующий в Наказе образ райской России, в которой правит закон»². Исследователь развил данную мысль на примере анализа романа М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или процветающий Рим» (1768) – произведения, изображающего идеального правителя и законодателя.

Важно отметить, что, рассуждая об особенностях первых русских литературных утопий, автор упомянул лишь несколько произведений, описывающих мудрых законодателей и их уставы. Это «Приключение Фемистокла» (1763) Ф. А. Эмина и трилогия М. М. Хераскова «Нума Помпилий» (1768), «Кадм и Гармония» (1787), «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1792). В действительности, наблюдения С. Л. Бэра не совсем точны. Первой утопией (также связанной с темой благих законов) следует считать «Сон. Счастливое общество» (1759) А. П. Сумарокова. В то же время мотивы, присущие этому произведению, можно встретить и в более поздних утопиях, о которых ученый не упоминает. Это «Путешествие в землю Офирскую» князя М. М. Щербатова, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (1784) В. А. Левшина и другие. Анализ нельзя назвать исчерпывающим не только с фактической, но и с теоретической стороны. В действительности, согласно методологическим построениям самого С. Л. Бэра, русская утопия была не только панегирической, но и сатирической («russianutopianandeutopianfiction»). В представленном же ряду текстов указаны лишь так называемые «панегирические» утопии, иллюстрирующие положительные стороны екатерининского законодательства. Одновременно произведения, содержащие черты сатиры (классический пример «Хотиллов. Проект в будущем» А. Н. Радищева), автор в правовом контексте не рассматривает.

Впоследствии идеи С. Л. Бэра используются зарубежными и русскими учеными. Л. Геллером и М. Нике термин «эвномия» применяется уже к утопическому произведению М. М. Хераскова: «В заключении своего “эвномического” романа “Нума Помпилий, или Процветающий Рим...”»³.

¹Святловский В.В. Русский утопический роман. Петроград: Гос. изд-во. 1922. С. 21.

²Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford. California. 1991. P. 121.

³ГеллерЛ, НикеМ. УтопиявРоссии. СПб., 2003. С. 59.

Вслед за С. Л. Бэрмом французские исследователи отмечают связь екатерининского «Наказа» и утопического романа М. М. Хераскова.

Первая работа, имеющая непосредственное отношение к проблематике нашего исследования, относится к 2009 году. Это вышедшая в журнале «Актуальные проблемы российского права» (серия «Юридические науки») статья Б. А. Назаренко «Право “Офирского государства” в утопии М. М. Щербатова». В ней впервые проводится сопоставительный анализ идеальных законов, описанных в художественном произведении, и реально существующих установлений (в данном случае екатерининского «Наказа»). Автор дает довольно подробную ссылку на пункты офирского «Катехизиса законов» и соответствующие им статьи «Большого наказа императрицы»: «...закрепление божественного происхождения власти государя (п. 6 “Катехизиса законов” и ст. 625 “Наказа”). Работа Б. А. Назаренко не является исследованием по филологии, поэтому параллели между литературной утопией и правовым документом не приводят к выводам биографического или источниковедческого характера, как-то: знакомство М. М. Щербатова с текстом «Наказа», возможное обращение писателя к законопроекту во время работы над произведением. Вместе с тем, нельзя отрицать ценности данного исследования для российского литературоведения. Его автору удалось выявить те особенности, которые представляют собой «слабые места» работ по истории литературы. Под «слабыми местами» понимается главным образом недостаточная историческая аргументированность выводов о зависимости содержания литературной утопии от социально-политической ситуации.

Один из ярчайших примеров – статья И. З. Сермана «Мечтательная страна Александра Сумарокова». Автор усматривает в законах совершенного общества едкую насмешку над порядками, принятыми при Елизавете Петровне, и, между тем, не предлагает (вполне ожидаемого в данном случае) сравнительного анализа законодательной политики государыни и утопического идеала писателя. Как следствие, вывод Сермана: «От иронии и насмешки над истинным положением в государственном управлении Сумароков переходит к собственному утопическому изображению», – остается без должной аргументации¹.

Таким образом, несмотря на неоднократные заявления о связи русской литературной утопии XVIII века и законодательной политики, до сих пор не сформирована традиция рассматривать утопические сочинения в контексте российских законов.

Научная новизна. Настоящая работа представляет собой первое изыскание по русской утопии, в котором тема законодательного идеала рассматривается одновременно на обширном **материале** законов Российской империи эпохи просвещенного абсолютизма и целого ряда сочинений утопической мысли.

---

¹Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы Международной конференции 27-28 июля 2000 г. СПб., 2000. С. 222.

Среди художественных произведений: «Сон. Счастливое общество» А. П. Сумарокова, «Приключение Фемистокла» Ф. А. Эмина, «Нума Помпилий, или процветающий Рим», «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии» – М. М. Хераскова, «Путешествие в землю Офирскую» М. М. Щербатова, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В. А. Левшина, утопические проекты И. И. Тревогина, «Хотил. Проект в будущем» («Путешествие из Петербурга в Москву») А. Н. Радищева.

Основные юридические сочинения: Анонимное «Мнение об освобождении крестьян», «Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II», «Размышления о законодательстве вообще» – М. М. Щербатова, «О законоположении» А. Н. Радищева.

Основные законы и законодательные акты: «Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов», «Артикул воинский» (1715), «Духовный регламент» (1721), «Большой наказ императрицы» (1767), «Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения» (1767), «Устав благочиния, или полицейский» (1782) и др.

Ряд исследуемых нами сочинений до сих пор не опубликован. Это хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов утопические сочинения литератора и авантюриста И. И. Тревогина¹ и педагогические проекты князя М. М. Щербатова². Среди неизданных работ по истории русской литературы следует назвать и очерк А. А. Дубицкого «Князь Михаил Михайлович Щербатов как историк и писатель» (Отдел письменных источников государственного исторического музея)³.

С теоретической точки зрения научную новизну диссертационного исследования представляет введение в терминологический аппарат понятия **дисномия**. На основании имеющегося в науке выделения в самостоятельный жанр эвномии (eu – благой, nomos – закон) как утопии, в которой прославляется действующее законодательство, мы предлагаем вычленять и **дисномию** (dis – плохой, nomos – закон) утопию, призванную показать ущербность и недостаточность настоящих законов. Дисномией следует считать «Новейшее путешествие, сочиненное в г. Белеве» В. А. Левшина. Черты дисномии можно обнаружить в отрывке «Хотил. Проект в будущем» – «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, а также в утопическом романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии».

Объектом изучения является отражение российской законодательной практики XVIII века в художественном мире утопий А. П. Сумарокова, Ф. А. Эмина, М. М. Хераскова, М. М. Щербатова, В. А. Левшина, И. И. Тревогина, А. Н. Радищева.

Предмет исследования – текстологические, исторические, идейно-мотивные связи литературной утопии и законодательных актов XVIII века.

---

¹РГАДА.Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631.

²РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 466.

³ОПИ ГИМ. Ф. 268. Ед. Хр. 7.

Связь нормативных документов с представлениями об идеалах прослеживается на всем протяжении второй половины XVIII века. Зачастую эти представления облекались в форму художественного текста – утопического сочинения. Этим обусловлена **основная цель диссертационной работы** – эксплицировать отражение правовых актов в утопических текстах эпохи. Поставленной цели соответствует решение ряда **задач**:

показать текстологические, идейные и мотивные параллели между законами и утопическими произведениями;

объяснить причины заимствований из законов и подзаконных актов в русские утопические тексты;

выявить причины отрицательного или положительного отношения автора-утописта к упоминаемым документам права;

рассмотреть случаи, когда отношение к тому или иному действующему закону влияло на жанр утопического сочинения, привнося в него черты эвномии или дисномии.

уточнить при необходимости сложившееся представление о том или ином художественном тексте как утопии сатирической или панегирической.

В силу широты изучаемого материала (художественные, законодательные, историко-правовые тексты XVIII века) **методология** исследования совмещает в себе особенности разных аналитических приемов. При разборе художественных текстов основным является метод комплексного изучения памятников письменности, сочетающий в себе принципы текстологического, источниковедческого и историко-литературного анализа. В изучении автобиографического начала утопической прозы и политико-правовых идеалов писателя неоднократно привлекается биографический метод. Использование культурно-исторического подхода основано на изучении связей утопической литературы, юридических документов и сочинений в области истории и права. Этими же связями обусловлено применение историко-функционального метода.

Методологическую основу диссертации составляют исследования по *теории утопического жанра*: Ф. Клейнвехтера, Б. А. Ланина, В. Фортунати, А. Петруччини, А. А. Файзрахмановой, В. А. Чаликовой; Н. В. Ковтун *истории русской литературной утопии*: В. В. Святловского, С. Л. Бэра, В. П. Шестакова, Л. Геллера и М. Нике, Т. В. Артемьевой, И. А. Калинина, В. И. Мильдона, Б. Ф. Егорова, Н. В. Ковтун. Уделено особое внимание *исследованию творчества отдельных писателей*. Это статьи сумароковедов И. З. Сермана, Ю. В. Стенника, посвященные утопической прозе М. М. Хераскова труды Л. Н. Нарышкиной, А. В. Западова и Л. И. Кулаковой, монографии и статьи о М. М. Щербатове А. Н. Пыпина, Н. Д. Чечулина, А. А. Кизеветтера, Т. В. Артемьевой, связанные с утопическими идеалами И. И. Тревогина изыскания А. И. Старцева, Л. Б. Светлова, А. А. Топоркова, Е. Е. Дмитриевой и др. Остальную группу составляют *труды по истории, исследования по истории права XVIII века* Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, С. М. Соловьева,

О. В. Ключевского, А. Ф. Кистяковского, М. И. Семевского, О. А. Филиппова, К. А. Писаренко, Дж. Ледонне, С. Бринера, Д. Р. Скотта, Р. Беста и др.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении научно-исследовательских положений об истории возникновения жанра литературной утопии в России, уточнении его особенностей, изменении научного представления о жанровой природе ряда утопических текстов XVIII столетия (то есть, обосновании взгляда о преобладании в них сатирического или панегирического компонента), определении социально-политического, правового и религиозного идеалов писателей-утопистов, в выявлении и доказательстве тесной текстологической, исторической, идейно-мотивной близости утопических текстов законодательным актам XVIII века.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения его выводов при чтении курсов по истории русской литературы, специализированных курсов по русской литературной утопии и творчеству отдельных писателей XVIII века. Специальные наблюдения применимы в курсах по русской истории и истории русского права XVIII столетия, при создании антологий и учебных пособий.

Степень достоверности исследования определяется, в первую очередь, привлечением достаточного числа источников различного характера (законодательных актов, юридических сочинений, историко-правовых документов, литературных произведений), внимательным отношением к жанровому своеобразию каждой отдельной утопии, рассмотренной в подобном контексте, использованием соответствующих целям и задачам исследования методов анализа.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на всероссийских конференциях «Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых» (МПГУ, 2014), «Евангельский текст в русской словесности: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (ПетрГУ, 2014), на Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте» (2014), «Мировая словесность для детей и о детях» (МПГУ, 2015), всероссийской конференции «Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте» (Литинститут, 2016), международной научной конференции «Литературный процесс в России XVIII–XIX веков. Светская и духовная словесность» (ИМЛИ, 2016), международной научной конференции «Русский язык и литература в поликультурной среде» (КГПУ им. В. П. Астафьева, 2017). По теме исследования опубликовано тринадцать работ, в том числе шесть – в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. С момента своего появления (эпоха европеизации) русская литературная утопия неразрывно связана с темой идеального закона;
2. Для воссоздания образа идеального государства утописты использовали элементы действующего законодательства;

3. Обращение утопистов к правовой сфере оставило свои «следы» в русских утопических текстах;
4. Влияние законов на сочинения указанного содержания нашло свое выражение в текстологических, идейных и мотивных заимствованиях;
5. Отношение автора изображаемого утопического идеала к действующему законодательству определяло сатирическую или панегирическую направленность произведения.
6. Наряду с текстами, восхваляющими современное законодательство, – *эвномическими* (в терминологии Л. Геллера и М. Нике) в русской словесности можно выделить такие, которые следовало бы отнести к *дисномиям* (от греч «dis» – плохой, «nomos» – закон). Это, например, повесть В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве», утопия М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии».

Структура диссертации. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 222 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается степень разработанности проблемы, аргументируются принципы отбора утопических текстов и законодательных актов, дается обоснование актуальности и научной новизны диссертации, ставится цель, формулируются задачи исследования, определяются положения, выносимые на защиту.

Логика построения глав обусловлена хронологическим принципом: вслед за теоретическим разделом расположены части, посвященные литературной утопии елизаветинского времени и екатерининской эпохи.

В **первой главе «Природа утопического метажанра»** на примере этапов кодификации слова «утопия» рассматривается история термина в России. Показывается, что уже к 1791 году – времени, когда вышла в свет рецензия на моровское сочинение Н. М. Карамзина, в русском литературном языке установилась семантическая связь утопии – образа политического устройства, реализованного в определенном локус-пространстве – и химеричности, несбыточности.

Определенной вехой в изучении русской литературной утопии можно назвать статью выдающегося историка А. К. Дживилегова, написанную для Энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Именно в этом исследовании слову впервые присвоено значение художественного жанра. «Утопии, – отмечает автор, – являются постоянным *литературным видом*, находящимся на границе между чистой литературой и социально-политической философией»¹. Из примеров утопического, приведенных А. К. Дживилеговым, следует, что утопией является не обязательно отдельное законченное художественное произведение. «Очень много У[топии] в

---

¹Дживилегов А. Утопии / Брокгауз Ф.А, Ефрон И.А Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб. 1902. С. 77.

романахъ для юношества Купера, Жюль Верна, Лорн, Стифенсона»¹. Так, задолго до теоретических работ Г. Морсона, Г. Гюнтера и Н. В. Ковтун был сделан шаг в сторону изучения утопии как метажанра.

В разделе 1.2. на основании характеристических черт утопии доказывается ее метажанровая составляющая. Особое внимание отводится проблеме истоков русской литературной утопии. Рассматриваются дискуссионные точки зрения западных ученых Л. Геллера и М. Нике и их последователей (Б. Ф. Егоров, Т. В. Чумакова), полагающих началом оригинальной русской утопии средневековые сказания о земном рае и жития святых («Повесть о Петре и Февронии муромских»). Исходя из более традиционных воззрений В. П. Шестакова, Т. А. Чернышевой, С. Л. Бэра и Н. В. Ковтун, мы предлагаем считать временем появления первых образцов утопического метажанра эпоху европеизации, XVIII век.

Под пунктом 1.3. раскрывается вопрос жанровой вариативности утопии (панегирическая, сатирическая), осмысливается правомерность наименования «эвномия» для утопии, прославляющей законодателя на троне и / или современное законодательство. В качестве альтернативного и дополняющего термина рассматривается «дисномия» – понятие, применимое для утопии, критикующей законы «современности». Термин «дисномия» вводится в научный оборот впервые. В разделе 1.4 первой главы рассматриваются возможные европейские истоки русской литературной утопии, на основании метажанровой природы отечественной утопии доказывается ее самобытность.

В первом разделе второй главы диссертации «*Русская литературная утопия и законодательство Елизаветы Петровны*» предпринимается попытка рассмотреть идеологические, политические причины появления утопического текста в это время. Выявляется, что правление «дщери Петровой» не вызывало восторгов у А. П. Сумарокова. За годы жизни самодержицы им написаны четыре похвальных оды, из которых к панегирическим сочинениям можно отнести лишь одну. Как только умирает Елизавета, «Сумароков и его друзья немедленно обращаются к торжественной оде»².

На основании анализа политического идеала первого автора-утописта делается вывод о том, что в своем сочинении «Сон. Счастливое общество» А. П. Сумароков полемизирует с Елизаветой-законодательницей, опровергая некоторые, заведенные при ней порядки и, в первую очередь, принятый при государыне указ об отмене смертной казни.

Исследование утопического текста, производимое в комплексе с одическими произведениями и «Словом похвальным о государе императоре Петре Великом, сочиненном ко дню тезоименитства Ея Императорского Величества», позволяет определить сущность политического идеала писателя. В действительности, и в «Слове похвальном», и в утопическом памфлете

---

¹ Там же.

² Сумароков и его литературно-общественное окружение / История русской литературы. Литература XVIII века. Ч. I. Т. III. Под ред. Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого. М. – Л., 1941. С. 383.

«Сон» автор высказывается в пользу присутствия высшей меры наказания в системе уголовного законодательства: «За добродетель воздаяние, а за беззакония казнь». В этой особенности законов мечтательной страны полемический характер текста обнаруживает себя наиболее ясно. В то время как постановлением от 1744 смертная казнь была запрещена прежде решения Сената, А. П. Сумароков провозглашает ее за *всякое* беззаконие. Здесь, как и в «Слове похвальном о государе императоре Петре Великом», А. П. Сумароков предлагает Елизавете обратиться к примеру своего родителя. В «мечтательной стране», как и в петровской России, присутствует факт присуждения к смертной казни, независимо от тяжести преступления.

Во **втором разделе второй главы** связь идеалов утописта-Сумарокова с петровской эпохой также просматривается вполне отчетливо. Писатель изображает духовные лица, главнейшими добродетелями которых является ненависть к суевериям и нестяжательность. Как и в вопросе о смертной казни, в этом случае писатель полемизирует с действующим законодательством. И делает это, воскрешая религиозный дух эпохи Петра Первого. Известно, что в петровское время понятие «суеверие» чрезвычайно изменилось. Одним из основных пережитков и суеверий было признано главенство божьей власти над царской. В счастливом обществе А. П. Сумарокова духовная власть подчинена светской. Священство подобно стоическим философам. Другой его отличительной особенностью является довольство своим состоянием. И здесь, по наблюдению И. З. Сермана, автор посягнул на такой источник доходов священнослужителей как плата за требы.

Взгляды писателя следует признать противоречащими действующему законодательству. В отличие от Петра I, приказавшего прекратить выдачу руги всем соборам и церквям, императрица Елизавета стремилась улучшить материальное положение священства. Искренне сочувствующая церкви в ее нестроениях и нуждах, в 1756 году самодержица постановила вновь выдавать полный оклад руги церквям и приходам, независимо от того были ли при них дворы или нет. Она позаботилась и о возвращении благочестного отношения к такому источнику доходов православного духовенства как добровольные приношения верующих за требоисправления. Известно также, что одним из первых указов в отношении церковнослужителей стал изданный 29 ноября 1744 года закон «О нечинении обид Духовным лицам». Указывая на такие недостатки современного священства как суеверие и лихоимство, масон А. П. Сумароков неприкрыто обнажил те раны, которые были нанесены Церкви петровским правлением и одновременно выступил с оппозицией елизаветинскому законодательству.

Третья глава работы «Русская литературная утопия и законодательство Екатерины Второй» раскрывает особенности утопии эпохи расцвета просвещенного абсолютизма. Частные рассуждения о тех или иных образцах жанра предваряются общей характеристикой утопии данного периода. В **разделе 3.1** предпринимается попытка описать связь утопии «Приключения Фемистокла» Ф. А. Эмина с действующим законодательством.

Исходной точкой в данном рассуждении является полемика с американским славистом С. Л. Бэром. Отмечая злободневность «Приключений», ученый обратил внимание на два ключевых образа – «eunomicThrace» и «dystopianCaria». По его мнению, царящая в Карию коррупция – это изображение обратной стороны российской действительности. В то же время, по мысли С. Л. Бэра, данный образ есть скрытое наставление по ликвидации непомерного взяточничества и лихоимства в России. Нами предлагается иное видение проблемы. Написанное «всепопданнейшим и всенижайшим рабом» ее императорского величества Посвящение, а также упоминание о том, что Фракией управляет мудрая государыня, которая лично уделяет внимание делам судопроизводства, свидетельствует о том, что перед нами не сатирическая, а панегирическая утопия. В сопоставлении с действующим законодательством мысль о хвалебных интенциях автора получает свое подтверждение. За год до издания сочинения в 1762 году выходит указ «Об удержании от лихоимства», имевший огромное значение для российской действительности. В нем, по наблюдению К. Анциферова, «убѣдительно выяснены обстоятельства, опредѣлившія направление и сообщившія глубокой, внутренней смысл не только законодательству Императрицы, но и законодательству всего XVIII века»¹. Не случайно изображенные Ф. А. Эминым Кария и Фракия явились своего рода отражением Российской действительности – до и после издания данного закона.

Так, карийские суды описаны автором в тех же выражениях, что и российские судебные места в указе. «Многіе Судящіе, освященное свое мѣсто...въ торжище превращаютъ», – отмечает государыня². «...Здѣшнее правосудіе подобно аукціону», – решает после посещения карийского суда Фемистокл. Императрица описывает мздоимство, достигшее невероятного масштаба в следующих словах: «Ищеть ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевететь ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами»³. Похожую оценку дает сенату Карию главный герой романа Ф. А. Эмина⁴. Еще большее сходство с текстом романа можно обнаружить в законе от 15 декабря 1763 года.

Ф. А. Эмин «Приключение
Фемистокла»

Манифест «О наполнении
Судебных мест достойными и
честными людьми»

¹ Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2. СПб.: Издание с-петербургского юридического общества, 1884. С. 43.

² Об удержании судей и чиновников от лихоимства. 11. 616. Июля 18. // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. С. 22.

³ Там же.

⁴ Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла... С. 35.

«словомъ всѣ старались о мздопріимствѣ, а ничего добраго никому не дѣлали»¹.

«всякой живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ»².

В предваряющем роман Посвящении, восхваляя возвращенный Екатериной «золотой век», автор упоминает о правосудии, которым народ российский надеется «нынѣ» быть освобожден от опасностей. Обличать самодержицу в некотором бездействии по отношению к проблемам коррупции в основном тексте произведения у Ф. А. Эмина не было должных причин. Роман, кроме того, предназначался в дар императрице. Логическим итогом данных рассуждений является изменение традиционного представления о тексте как о произведении сатирическом.

Второй раздел третьей главы посвящен утопии М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или процветающий Рим». За исключением указания на исторический контекст (публикация «Наказа» – издание «Нумы Помпилия») и типологию образов (законодатель – философ на троне), связи между утопией и «Наказом» Екатерины Второй гуманитарной наукой не рассматривались³. Тем не менее, эти связи присутствуют не только на уровне идей и мотивов, но и в виде текстологических заимствований и прямых отсылок к документам, изданным в связи с созывом Комиссии. Это, в первую очередь, «Генерал-Прокурорский Наказ», а также Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения».

После издания «Нумы» стало популярным выражение: «Истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает». С. Л. Бэр склонен приписывать авторство этих строк самому писателю⁴. На наш взгляд, это не совсем верно. Несмотря на свою афористичность, выражение не представляется оригинальным. Оно, скорее, является парафразом надписи, сделанной на депутатских медалях в связи с созывом Комиссии о составлении нового Уложения: «Блаженство каждого и всех». Екатерина и писатель обнаруживают большое сходство в понимании заявленной идеи. Утверждение сословного неравенства в «Наказе» разрушало провозглашенную до этого концепцию всеобщего блага⁵. То же несоответствие словесной формы и содержания имело место в романе М. М. Хераскова. Наставляя будущего правителя, мудрая нимфа обращается к нему со словами: «...храни нас ради себя собственно, храни себя ради общей пользы; храни целостъ государства ради твоей славы и нашего блага»⁶. Таким

¹Там же.

²Манифест о наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 января 1764 года по приложенному реестру, положенных по новым штатам на жалованье, разных сборов и об отсылке оных в Штатс-Кантору. № 11. 988. Декабря 15 // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб. 1830. С. 457.

³Кулакова Л. И. Херасков // История русской литературы. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. М.–Л., 1947. С. 328.; Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 58.

⁴Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... P. 121.

⁵Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. М., 1994. С. 89.

⁶Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 35.

образом, абсолютная власть монарха ограничивалась лишь его добродетелью. По словам В. И. Морякова, используя естественно-правовую теорию французских просветителей, М. М. Херасков делал упор на первой ее части («монарха избирает народ») и отбрасывал напрочь идею народного суверенитета¹. Последнее наблюдение справедливо и в отношении политической доктрины «Наказа». В романе нимфа Эгера советует будущему правителю искать «другой пользы, кроме той, чтобы людей всех вообще сделать счастливыми»². Те же слова были поставлены во главу угла Именного указа, данного Сенату «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения». «...Наше первое желание есть видети Наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться»³.

По словам Нуминой наставницы, сделать людей счастливыми можно не иначе, как отняв у них «все вредные предрассудки и злоупотребления»⁴. Воспитательное значение закона было заявлено и в документах Комиссии по составлению Нового уложения. «Одним словом, вся Наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствии и уменьшении зла...» – отмечено в «Генерал-Прокурорском Наказе при Комиссии о составлении проекта Нового уложения»⁵. Между наставлениями нимфы и утверждениями монархини существуют и более очевидные сходства. В обоих случаях большое значение придается предварительному приготовлению умов к познанию истины. «Ни ясное толкование законов, ни видимая польза, ни общее спокойствие не соделают их [людей – Ю.Р.] лучшими, ежели умы их не будут приуготовлены к познанию истины»⁶. Та же концепция была положена в основу екатерининского «Наказа», который, как известно, силы действующего закона никогда не имел. Так, 58 статья документа гласит: «для введения лучших законов необходимо потребно, умы людские к тому приуготовить»⁷.

Сформировалась традиция усматривать в романе критику законодательной политики просвещенного абсолютизма. Как отмечал С. Л. Бэр, в произведении есть скрытое наставление императрице в связи с ее знаменитым «Наказом»: «Истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает. Но законы суть одно начертание... законы сами собою действовать не могут»⁸. По предположению Артемьевой, в данном случае писатель «имел в виду опыт Екатерины и ее “Наказа”

---

¹Моряков В. И. Русское просветительство ... С. 61.

²Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 45.

³Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов // Томсинов В.А. Законодательство императора Петра III: 1761– 1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762 – 1782 годы. М., 2011. С. 68.

⁴Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 45.

⁵Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проекта Нового уложения, по которому и маршалу поступать / Приложение к Наказу императрицы Екатерины II, данному комиссии о сочинении проекта Нового уложения под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 171.

⁶Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 42.

⁷Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. СПб., 1770. С. 30.

⁸Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 123 – 124.

провозглашенного, но не реализованного»¹. Основываясь на художественных особенностях текста, его хвалебном стихотворном Послесловии, мы указываем на общую панегирическую направленность произведения.

Третий раздел третьей главы посвящен другому произведению М. М. Хераскова – роману-утопии «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794). Если «Нуму Помпилия» по отношению к имперской политике можно рассматривать как ретроспективную, панегирическую утопию, то «Полидор» как утопию сатирическую. Основанием для этого служит выраженное в сочинении отношение к екатерининскому «Наказу». Обличительный пафос произведения усиливается за счет использования одного и того же персонажа – нимфы. В романе «Нума Помпилий» о Екатерине сказано «не нужны нимфы Ей, не нужны чудеса», так как она сама составляет свои законы. В «Полидоре» М. М. Херасков вкладывает в уста того же персонажа – нимфы слова: «Тамо едина из Помазанниц моих в поздние дни воззовет ко мне, и я во всем сиянии явлюся Ей, – излиюсь в Ея мысли, поселюся в Ея сердце, озарю Ея душу, и по моему внушению напишет Она Божественную книгу – мудрый Наказ!»². Иронизируя над Екатериной-законодательницей, автор описывает «Наказ» как явление будущего, тем самым заостряя внимание на его нереализованности. Эту особенность следует отнести к дисномическим чертам романа.

В четвертом разделе третьей главы мы рассматриваем гражданский идеал князя М. М. Щербатова, воплощенный в его романе «Путешествие в землю Офирскую». На основании анализа офирских «катехизмов» приходим к выводу о наличии повлиявших на них западных источников: книги «О должности человека и гражданина по закону естественному» Самуэля Пуффендорфа и учебника монаха-августинца Иоганна Фельбигера «О должностях человека и гражданина», переведенного с немецкого в то же время, когда была написана утопия М. М. Щербатова. На основании сопоставительного анализа двух последних сочинений, делается вывод: у немецкого педагога долг христианина по отношению к Творцу рассматривается сквозь призму гражданской морали – М. М. Щербатов же нередко заостряет внимание на духовной стороне вопроса.

В разделе показывается, что нравственный и гражданский идеалы писателя имеют своим началом не только западные сочинения, но и оригинальные русские образцы права. Необходимость совмещения этического и гражданского образования отмечалась уже в знаменитом «Наказе»³. Императрица настаивала на совмещении гражданского и нравственного воспитания: «Надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех, кои законодательство содержат»

---

¹Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 383.

²Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии / Херасков М. М. Творения, вновь исправленные и дополненные. Ч. XI. М. 1802. С. 324.

³Наказ императрицы Екатерины II, данный Коммиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 42.

(«Наказ» § 158). Краткий анализ «катехизмов» М. М. Щербатова в свете педагогических сочинений XVIII века позволяет прийти к выводу, что в состав офирских «книжек» для юношества включались не только западные, но и оригинальные, отечественные тексты, среди которых немалое число принадлежит самому писателю. Это и проект об училище для купечества, и катехизис, составленный М. М. Щербатовым для его детей.

Пятый раздел третьей главы также посвящен щербатовской утопии. В центре раздела сравнение образа офирского священнослужителя и того нового вида полицейских, которые появились в Российской империи благодаря «Уставу благочиния, или полицейскому» (1782). Известно, насколько близки были Екатерине Великой камеральные идеи. Принципу регулярного (well-ordered) государства соответствовала мысль об апроприировании церковных функций полицейскими органами.

Согласно тексту «Наказа» и, в большей мере, «Устава благочиния» религия являлась первым объектом заботы полиции. В сферу деятельности правоохранительного органа, таким образом, попадало наблюдение за благоговейным и богобоязненным поведением верующих во время службы божией. При этом «Зерцалом» Управе благочиния служил кодекс морально-этических норм в целом ряде случаев «дублирующих» заповеди христианского закона. «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь», «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви». У щербатовского персонажа – священнослужителя-благочинного, как показано, были свои прототипы в действующем законодательстве.

Другим документом, положения которого могли повлиять на утопический эталон писателя, являются пункты обер-прокурора Священного Синода И. И. Мелиссино, предложенные им в качестве проекта для составления Нового уложения. Обращаясь к членам Синода с вопросом, нельзя ли что-либо убавить из «продолжительных церковных обрядов», обер-прокурор одновременно выступил с инициативой о замене всенощных и вечерен чтением кратких молитв с обязательным поучением народа¹. Несмотря на неприятие членами Синода этих предложений, черновой вариант «Нотата наказу для будущего от св. Синода при сочинении проекта Нового Уложения депутату» содержал статью «совершенно в духе Мелиссино» о церковных установлениях, отяготительных для светских людей². Не устраивала обер-прокурора и форма одежды духовенства, которую он предлагал заменить на более простую – «пристойнее нынешней»³.

Данные предложения оказались поразительно созвучны реформаторским взглядам самого М. М. Щербатова. Его утопические герои приносят богу

¹ Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 117.

² Прилежаев Е. М. Наказ и пункты от Св. Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении проекта Нового уложения // Христианское чтение. 1876. Ч. I. № 9 – 10. С. 232.

³ Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 118.

краткое, но обязательное моление. Все богослужения в Храме, в том числе и служба в так называемый «день Божий», соответствующий нашему воскресенью, занимают не более нескольких минут. Трудно сказать, насколько одежда офирского священства соответствовала требованию простоты, выдвинутому обер-прокурором Синода. Вполне вероятно, что, как на то указывает Н. В. Ковтун, здесь имеет место дань масонской атрибутике¹.

Сделанные наблюдения позволили значительно скорректировать традиционный взгляд на щербатовскую утопию как (в большей мере) художественную рецепцию идей западных философов и полицейстов. Последнее, в свою очередь, дало возможность пересмотреть научное представление (Т. В. Артемьева) о заимствовании М. М. Щербатовым модели религиозного устройства Офирского государства у немецких камералистов И. Г. Юсти и И. Зонненфельса, а также подтвердило спорность научного представления (Г. В. Вернадский, С. Л. Бэр), согласно которому религия офирцев представляет собой исключительно масонский идеал писателя.

Следующий раздел **третьей главы** посвящен анализу творчества малоизвестного утописта XVIII века – И. И. Тревогина. Наследие литератора до сих пор полностью не опубликовано². В литературоведении не раз отмечалось влияние учреждения Российской академии наук на создание утопии И. И. Тревогина, однако отдельного рассмотрения эта тема в науке не получила³. Знакомство с архивным «Делом о малороссиянине Иване Тревогине» позволило увидеть связь между образовательными проектами сочинителя и «Именным указом “Об учреждении Российской Академии» (1783) Екатерины Второй. В разделе последовательно доказывается, что, называя «область знаний» или «Ученую область» иначе Парнасом, датируя его основание годом открытия одного из крупнейших учебных заведений страны, посвящая самодержице написанный им план, автор мог апеллировать к тексту екатерининского указа, данного Директору Санкт-петербургской Академии Наук, Княгине Дашковой. Связь произведений И. И. Тревогина с указом прослеживается еще в том, что писатель выразил надежду на присоединение чего-либо к учреждаемой академии⁴. Из плана основания «Ученой области» видно, что «присоединения» должны были иметь различную природу. «Все языки, какие только находятся в свете собраны и преподаваемы здесь будут!»⁵. В противоположность этому Российская Академия, как известно, была создана для обогащения и чистоты русского языка. Вместе с тем, судя по задачам, которые были обозначены в «Кратком начертании Императорской Российской Академии» ее директором Е. Р. Дашковой, можно увидеть, что функции

¹ Ковтун Н. В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. С. 38.

²РГАДА.Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631.

³Курмачёва М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX вв.). М.: Наука, 1983. С. 231. ; Кауркин Р.В. Утопические проекты Ивана Тревоги // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (1). 2011. С. 249.

⁴ Там же. Л. 281. об.

⁵ Там же. Л. 294.

открытого Екатериной заведения простирались гораздо шире «вычищения и обогащения Российского языка»¹. Из протокола второго заседания Академии видно, что ее сотрудники также решали проблемы, связанные с купечеством и торговлей. «Приказали: купцам Викулину с товарищи объявить, что должны были они с желаниями своими о поставке соли на Ярославскую Губернию сперва явиться в Казенной Палате, а не в Сенате и пр»². И. И. Тревогин в своих предложениях идет дальше, предлагая не только преподавать науки, художества и ремесла в «Ученой области», но и создать в ней «фабрики, заводы и прочие учреждения»³.

По содержанию текст проекта «Ученой области» напоминал большинство екатерининских законов, таких, например, как «Наказ» или «Устав благочиния» (1782) с набором их расхожих, афористических выражений. Идеи, озвученные И. И. Тревогиным, находясь в непосредственной связи с указом об учреждении Санкт-Петербургской Академии, соответствовали просветительским инициативам Екатерины. Последнее, однако, не смогло придать им актуальности образовательного проекта. Для своего времени они остались просто утопией.

В седьмом разделе третьей главы рассматриваются связи между утопическим произведением В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (1784) и законодательством Екатерины Второй. Утопия, которую традиционно изучают в рамках масонской проблематики, впервые рассматривается в контексте истории права эпохи расцвета просвещенного абсолютизма. Отправными точками для анализа при этом являются екатерининский «Наказ» (1767) и «Устав благочиния или полицейский» (1782). Благодаря текстологическому методу обнаруживается множество заковыченных и не заковыченных цитат и реминисценций из «Наказа». Впервые реминисценция из документа появляется в связи с темой преступности. Вступив в пределы государства Р**, лунатист Квалбоко удивляется отсутствию разбойников и спрашивает о причине одного из граждан страны. Житель ставит всему виной благоразумие правительницы, подкрепляя доводы отсылкой к известному закону. «Къ зависти челоуѣческаго рода, имѣемъ мы на престолѣ самую премудрость, которая усмотрѣла: что Лучше предупредить преступления, нежели наказывать»⁴. Дословная цитата из «Наказа» хотя и не заковычена автором, однако, невзирая на середину предложения, обозначена заглавной буквой. Сервизизм этого приема очевиден. Используя прямую цитату из X главы документа, В. А. Левшин описывает реализованным тот законопроект, который приобрел себе славу утопии уже к 70-м годам XVIII века – времени издания щербатовских «Замечаний».

---

¹ Именной указ Об учреждении Российской Академии. 15.839. Сентября 30 / ПСЗРИ. Т. XXI. С. 1781 по 1783 гг. СПб., 1830. С. 1024.

² Там же. С. 1027.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 294. об.

⁴ Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1784. Ч. XIV. С. 46.

Мастерски развивая тему реализации положений «Большого наказа императрицы», в контексте отмены смертной казни государыней Р**, В. А. Левшин приводит дословные цитаты сразу из двух глав екатерининского «Наказа»: «О наказаниях» и «О обряде криминального суда». В обоих случаях фрагменты юридического документа приводятся дословно и остаются как бы без художественного обрамления. При сравнении текста с 85 пунктом «Наказа» обличительная интенция В. А. Левшина становится очевидна: первая часть сложно-подчиненного предложения «искусство научает нас» заменена на грамматическую конструкцию «она познала».

«Новейшее путешествие...»

В. А. Левшина

«Она познала, что в тех странах, где кроткия наказания, сердца граждан оными столькожь поражаются, как в других жестокими»¹.

«Наказ» Екатерины Второй

Искусство научает нас, что в тех странах, где кроткие наказания, сердце граждан оными столько же поражается, как в других жестокими (Глава VIII. П. 85)».

Таким образом, возникает мотив утопичности положений закона: монархиня «познала» жестокость телесной кары за преступления, но претворила ли в жизнь свои идеи? Эта имплицитная критика получает свое продолжение в обширной цитате из X главы «Наказа», раскрывающей сущностную природу наказания: «...намерение установленных наказаний есть не то, чтоб мучить тварь чувствами одаренную, но чтоб воспрепятствовать виноватому, чтоб он впредь не мог вредить; и чтоб отворотить сограждан от соделания подобных преступлений»². Приводя в отрывке о смертной казни пункты «Наказа» о телесных наказаниях, автор заостряет внимание на их дальнейшем воплощении. Как известно, на деле гуманность монарших законов имела далеко не всеохватный характер. Она относилась лишь к привилегированному классу, в то время как над простым народом, по замечанию историка русского права, «продолжали тяготѣть свирѣпья тѣлесныя кары»³.

На основании сопоставительного анализа делается вывод о сатирической направленности приведенных писателем цитат. Автор использует преимущественно те пункты «Наказа», которые на момент создания утопии можно назвать нереализованными. По своему жанру «Новейшее путешествие» в таком случае можно назвать дисномией – утопией, в которой в

---

¹Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1784. Ч. XIV. С. 46–47.

² Там же. С. 46.

³Ступин М. История телесных наказаний в России от судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 41.

аллегорической форме показаны недостатки современного автору законодательства.

В последнем разделе третьей главы исследуется утопический манифест А. Н. Радищева, представленный им в одной из глав «Путешествия из Петербурга в Москву» – «Хотиллов. Проект в будущем». Общеизвестно, насколько критически относился писатель к екатерининскому «Наказу». Его взгляды нашли выражение как в юридическом сочинении «Опыт о законодательстве» (1782–1789 гг.), так и в самой повести. Наиболее отчетливо отношение автора проступает во фрагменте «Хотиллов». Глава начинается с описания идеальных законов. «Умеренность в наказаниях, – отмечает рассказчик, – заставляя почитать законы верховной власти яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния»¹. Выражение отсылает нас к 240-й статье X главы «Наказа»: «Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать». К «Наказу» восходит и идея о самодержавном правителе – отце своих подданных. Здесь положения екатерининского закона описаны саркастически: как уже достигнутые. Общеизвестно, что Большая комиссия имела своей целью блаженство всех российских граждан. Со страниц хотилловского манифеста А. Н. Радищев вопрошает: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, назваться блаженным?»². Своим вопросом писатель указал на тяжесть жизни простого люда, которая осталась неизменной вопреки выходу знаменитого «Наказа» в свет.

В науке радищевский «Проект в будущем» известен еще благодаря тем ремаркам, которые Екатерина оставила на полях, читая «Путешествие». Это слова «Никто не послушает» напротив предложения писателя освободить всех крестьян. Примечательно, что в научно-исследовательской литературе замечание Екатерины трактуется почти совершенно однозначно, как выпад крепостнически настроенной самодержицы против освободительных идей писателя. «А может быть, Радищев сошел с ума? Ведь он пишет, что хорошо бы всех крестьян освободить». «Никто не послушает!» – снова отвечает ему Екатерина. Она перелистывает еще несколько страниц и приходит в страшную ярость»³.

Общеизвестно, что еще до законодательной кампании 1767 – 1768 годов самодержица предпринимала шаги по освобождению крепостных крестьян. В «Памятной заметке о “Наказе”» императрица отмечала: «Тут при каждой статье родились прения. Я дала им волю чернить и вымарать все что хотели. Они более половины того, что написано мною было, помарали, и остался Наказ Уложения, яко напечатан». По словам историка права И. И. Дитяткина, по уцелевшим отрывкам первоначальной редакции «прямо видно, что выкинутое касалось главнымъ образомъ крѣпостныхъ крестьянъ; что тамъ

¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 66.

² Там же. С. 68.

³ Эйфельман Н. Александр Радищев. Серия. Страницы истории нашей Родины. М., 1983. С. 24.

высказывалось намѣреніе автора облегчить положеніе послѣднихъ наиболѣе дѣйствительными мѣрами»¹. Исходя из содержания чернового варианта «Наказа», о котором А. Н. Радищеву, очевидно, могло быть известно, делается вывод о необоснованности сформировавшейся в науке традиции рассматривать Екатерину как тираническую фигуру, возмущенную либеральными идеями литератора.

В **заключении** подводятся основные итоги диссертационного исследования. Отмечается, что идея мудрых указов стала достоянием русской утопии с самого момента ее зарождения, по-настоящему прочно войдя в утопическую литературу с момента созыва Комиссии по составлению проекта Нового Уложения 1766 – 1768 гг. Намечается сопоставление законодательных идеалов западной и русской литературной утопии. Доказывая, что на всем протяжении XVIII века утопические тексты неразрывно связаны с темой идеального законодательства, мы одновременно опровергаем представление о заимствованном характере ряда черт утопии отечественной.

В качестве перспектив дальнейшего изучения литературной утопии в указанном направлении приведен ряд утопий XIX столетия, для которых заявленная проблематика также актуальна. Так, в произведении «Сон» А. Д. Улыбышева находит выражение идеал священнослужителя, который начал складываться в законодательстве Петра Первого и окончательно сформировался в важнейших юридических документах времен Екатерины Великой. В дополнительной, XXI, главе «Большого наказа», всецело посвященной полиции, Екатерина провозглашала два взгляда. Согласно первому, под полицией следует понимать порядок вообще в государстве, согласно второму, полиция служит сохранению благочиния в обществе. В «Уставе благочиния, или полицейском» (1782) эти наблюдения были развернуты: первым объектом заботы полицейских органов названа религия. Аналогичный взгляд высказывает чиновник из «Сна» А. Д. Улыбышева: «Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель бога, источника порядка во вселенной?»² «Уставом благочиния» прописаны правила добронравия, как-то: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь» и проч. На «законах человечности» основан и культ неведомому Богу в рассказе А. Д. Улыбышева. Но и в том, и в другом случае к православному благочестию это отношения не имеет. Несмотря на то, что «Сон» является общепринятой декабристской утопией, можно полагать, что историко-законодательный подтекст также имел на данное произведение свое особое влияние.

Более отчетливая связь с предшествующей правовой традицией видна в утопии другого автора XIX века. *Locus communis* сатирических утопий периода просвещенного абсолютизма была проблема хаотичности и разрозненности русских установлений. Не случайно в счастливой стране

¹ Дитятин И. И. Екатерининская комиссия 1767 года «О сочинении проэкта Нового уложения». Ч. II // Юридический вестник. 1879. № 1. С. 495.

² Улыбышев А. Д. Сон / Русская литературная утопия. Сост., общ. ред. вступ. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 89.

А. П. Сумарокова весь закон состоит из двух правил, в идеальном обществе В. А. Левшина вовсе нет записанных законов, а положения громоздкого, но нереализованного «Наказа» государыни Р** с обличительной целью приводятся целыми сентенциями. Как только при Николае Первом издается «Полное собрание законов Российской Империи», этот недостаток русских законоположений перестает отображаться в текстах утопического жанра. Почти сразу же после издания знаменитого свода этому событию посвящает художественные строки автор утопии «4338 год», князь В. Ф. Одоевский.

Бумажный Свод законов хранится под стеклянным сосудом с изображением государя, при котором был издан. Заостряя внимание читателя на противопоставлении бумага – стекло, В. Ф. Одоевский усиливает панегирик законодательному документу. Несмотря на презрение к давно устаревшему писчому материалу – бумаге, замену его более совершенным – стеклянным папирусом, Свод законов с благоговением хранится благодарными потомками.

Основанием для распространившегося просвещения по праву следует считать издание в далеком прошлом этого законодательного документа. «Многое в сем памятнике сделалось ныне совершенно необъяснимым, но из того, что мы до сих пор могли разобрать, видно, как древне *наше* просвещение!», – восклицает министр примирений и первый сановник страны¹. В России 4338 года нет ни полиции, ни преступности. Создается впечатление, что благоденствие жителей Северного государства является неким итогом консервативной политики императора Николая Первого.

В отличие от утопистов XVIII века (М. М. Херасков, В. А. Левшин, М. М. Щербатов), обличающих главу государства в неосуществимости программ, заявленных в законах, Одоевский указывает на пользу кодификационных инициатив имперской власти. На основании восторженного описания установлений прошлого можно считать утопию В. Ф. Одоевского утопическим сочинением с элементами эвномии.

Таким образом, научная проблема утопии и законодательства может быть экстраполирована и на тексты XIX столетия. Ввиду преобладания фантастического компонента в утопиях этого периода – связь с правовой сферой действительности может быть предельно редуцирована. Изображение худого (дисномия) и благого (эвномия) закона хотя и не является определяющим для жанровой категоризации произведения, между тем, не утрачивает своей актуальности и для утопий данного периода.

Среди идей, имеющих отношение к законодательному идеалу, есть ряд таких, которые являются общими как для зарубежных, так и для отечественных утопий. Это скорость в решении судебных дел и краткость нормативных установлений. В памфлете «Сон. Счастливое общество»: «Дѣла окончиваютъ очень скоро, для того что очень мало спорять, а еще меньше пишутъ», в утопии Л. С. Мерсье «все дела, входившие в ведение полиции,

---

¹Одоевский В. Ф. 4338 год / Русская литературная утопия. Сост., общ. ред. вступ. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 117.

разбирались чрезвычайно быстро», в политическом романе князя М. М. Щербатова «всякое уголовное дело повелевают без всякого мешкания исследовать». На судебном здании из «Сна» А. Д. Улыбышева вывеска: «Святилище правосудия открыто для каждого гражданина, и *во всякий час* он может требовать защиты законов».

Представление о чрезмерной объемности законодательных актов сопровождается утопические тексты на всем протяжении XVIII века. В самой первой российской утопии, изображающей счастливое общество, «Книга узаконений» содержит всего 2-3 пункта, в ухронии Л. С. Мерсье «основанные на разуме и человечности предписания... мудры, ясны, отчетливы и немногочисленны». Не велик и гражданский катехизис офирян М. М. Щербатова.

Следующей особенностью, объединяющей законотворческий эталон утопий России и Запада, является вовлечение государя в судебные дела своей страны. Правитель Египетской земли Сизострис Фенелона сам принимает всякого, кто представляет ему жалобу или какое-либо иное сообщение. «Великий человек» мечтательной страны Сумарокова «всѣхъ подданныхъ своихъ приемлетъ... ласково, и всѣ дѣла выслушиваетъ терпѣливо», государыня Фракии Ф. А. Эмина вместе с присяжными рассматривает дела с целью вынести самое справедливое решение.

В отличие от элементов сюжета, которые могли быть заимствованы отечественной утопией у своей старшей сестры – утопии западной и наоборот¹ черты воссозданного нормативного эталона и в том и в другом случае были куда более злободневными, обусловленными состоянием судебной системы «здесь и сейчас». Автор произведения об идеальном социально-политическом устройстве, естественно, исходил из недостатков или достоинств оного в современности. Таким образом, государственно-правовой образец в каждом случае представлял собой актуальный конструкт, отвечающий веяниям своего времени.

---

¹Русская утопия в контексте мировой культуры. Сост. и предисл. В. П. Шестакова. СПб., 2013. С. 6.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Ростовцева Ю. А. Религиозный идеал М. М. Щербатова в свете законодательной политики просвещенного абсолютизма // *Notabene. Политика и общество.* № 12 (120). Российская академия наук институт социально-политических исследований. 2014. С. 1584 – 1592. 1, 1 п. л.
2. Ростовцева Ю. А. Об источниках офирских «катехизмов» князя М. М. Щербатова // *Проблемы исторической поэтики.* М-во образования и науки РФ. Учреждение высш. проф. образования Петрозаводский гос. ун-т ; [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Вып. 13 : Актуальные аспекты. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. С. 108 – 121. 0,8 п. л.
3. Ростовцева Ю. А. Борьба со взятками в екатерининской России и панегирическая утопия Ф. А. Эмина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2016 С. 56 – 59. 0, 4 п. л.
4. Ростовцева Ю. А. О смертной казни в «счастливом обществе»: законодательство «кроткой Елисавет» и законничество А. П. Сумарокова // *Rhema. Рема.* № 3. М.: МПГУ, 2017. С. 9 – 20. 0,7 п. л.
5. Ростовцева Ю. А. История возникновения русской литературной утопии // *Вестник Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева.* № 3. Красноярск, 2017. С. 159 – 164. 0, 8 п. л.
6. Ростовцева Ю. А. Утопия В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». Между eutoria и utopia // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования.* № 3 (16). Омск, 2017. С. 113 – 117. 0, 4 п. л.

Другие публикации:

7. Ростовцева Ю. А. Культурные подтексты литературных утопий В. А. Левшина, М. Д. Чулкова // *Вестник Литературного института им. М. Горького.* № 2. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького. 2014. С. 58 – 72. 1, 2 п. л.
8. Ростовцева Ю. А. Государственная педагогика Екатерины II – выбор, определивший историю // *Научные труды молодых ученых-филологов. Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых. XIV. Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции, которая проходила в МПГУ 14 – 17 октября 2014 года.* М., 2015. С. 153 – 159. 0, 4 п. л.
9. Ростовцева Ю. А. Образ идеального училища в политической утопии XVIII века // *Гуманитарные научные исследования.* 2014. № 12. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/12/8630>

10. Ростовцева Ю. А. Утопический проект Ивана Тревогина «Ученая область» и образовательная политика Екатерины Второй // Notabene. Педагогика и просвещение. № 3 (15). Российская академия наук институт философии. 2014. С. 9 – 16. 0, 9 п. л.
11. Ростовцева Ю. А. Рецепция законов Екатерины Второй в литературной утопии В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» // Notabene. *Litera* (электронное издание) http://printed.e-notabene.ru/fil/article_13631.html
12. Ростовцева Ю. А. «Нума Помпилий» М. М. Хераскова и «Наказ» Екатерины Второй: литературная утопия в свете «исторической мифологии» // Notabene. Филология. Научные исследования. № 4 (16) Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 2014. С. 305 – 315 1,1 п. л.
13. Ростовцева Ю. А. Литературная утопия М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии»: между государственной идеологией и панегирической традицией // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. № 01 Январь. Ч. I. М., 2016. С. 164 – 170. 0,6 п. л.
14. Ростовцева Ю. А. «Нума Помпилий» М. М. Хераскова и контекст комиссии по составлению Нового Уложения // V Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. Общество «Знание». Министерство культуры РФ Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Фонда «Русский мир». М., 2015. С. 643 – 646. 1 п. л.
15. Ростовцева Ю. А. Идеальные священнослужители Сумарокова и «Духовный регламент» 1721 года // Тезисы докладов II «Литературный процесс в России XVIII-XIX веков. Светская и духовная словесность» 18 октября 2016 г. ИМЛИ РАН <http://imli.ru/info/show/Informatcionnye-bloki-dlya-sobytij/Tezisy-dokladov-II-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferentcii/>